

На дворе буйствовал осенний ветер. Он безжалостно срывал последние листья с оголённых деревьев и яростно швырял их под ноги редким прохожим. А потом ещё взял да и свистнул на помощь дождь. Тот, мокрый проходимец, холодный и косой, с угодливым усердием стал хулиганить ещё больше, зачем-то обклеивая бурыми листьями стёкла святающихся окон школы.

А на лестничной площадке между первым и вторым этажами толпилась детвора. Первоклашки соревновались в довольно трудном деле – прыгали вверх по ступенькам одиннадцать раз, как бы переходя из класса в класс. Причём прыгали ни за что не держась и сразу двумя ногами. Кто придумал такую забаву?

Илона невольно остановилась у окна. Сделала вид, что любит золотым покровом осени, а сама искоса, чтобы не отвлекать внимание ребят от игры, наблюдала за тем, как курносая девчонка, прикусив губу, силилась совершить очередное восхождение. Мальчишкам прыжки давались легче, а у девчонок от этих невероятных усилий на носу выступали капельки пота и чёлки липли к упрямым лбам. Вот девчушка, не удержавшись, слегка дотронулась рукой до стенки. И тут же дружный рёв мальчишеского возмущения обрушился на её бедную голову:

– Эй, Сорока! Самая умная, что ли?!

– Иди в конец!

– Давай-давай! Хитрюга!

– Пошатнулась! Да ещё рукой до стены дотронулась!

– Все видели! Вали назад, недотёпа!

Девчушка, нахмурившись и обиженно скривив губы, спустилась вниз и встала за крупным белобрысым пареньком, который, для пушей важности ещё и погрозил ей кулаком:

– Не вой! И учись у меня, пока жив!

Услышав эти до боли знакомые ей фразы, Илона не могла сдержать улыбку. Так обычно говорил её одноклас-

Надежда
ВАСИЛЬЕВА

г. Петрозаводск

Гагара

повесть

сник и в ту пору злейший враг, Борька Тарасов. Её прыжки по лестнице жизни начались не со школьной, с детсадовской поры.

Видимо, всё-таки почувствовав её внимание, паренёк мельком оглянулся. Илона быстро перевела взгляд в окно. Погладила ладошкой запотелое стекло в том месте, где к нему с уличной стороны прилип яркий кленовый лист. Мальчишка, не увидев ничего подозрительного, отвернулся и снова стал с азартом следить за прыжками одноклассников, которым не было никакого дела до какой-то там студентки-практикантки. Это тебе не своя учительница, командный голос которой миглом заставит всех расступиться и прижаться спиной к крашеной стене с облупившимися прорехами в такой ненадёжной штукатурке.

Тихо шмыгала носом Сорока, переживая по поводу своей неудачи. Упрямый взгляд зеленых глаз выдавал завидную целеустремлённость. Она явно копила силы для новой попытки восхождения.

Птичье прозвище было в детстве и у Илоны. Её называли Гагарой.

* * *

«Гагара! Постой!» — как наяву услышала знакомый весёлый голос Борьки Тарасова. Они тогда уже заканчивали одиннадцатый класс. Стоило всплыть одному этому эпизоду, как перед глазами тотчас замелькали клипы той школьной поры. И видения эти, словно кленовые листья, гонимые порывистым ветром, один за другим, уносились в бесконечную даль.

— Гагара! Постой! Постой же!..

Но Илона даже шаг не замедлила. Ничего хорошего ей эта встреча не сулила. Опять будет доставать своей тошнотворной любовью!

— Да подожди ты! Куда несёшься?! У меня к тебе разговор самый серьёзный! — И его тяжёлые бутсы громко застучали по асфальту. Он догонял её и уже напряжённо дышал в затылок. Только этого ей и не хватало! Не только в школе, но и в выходные от него покоя нет!

Последние два года Борька преследовал её буквально по пятам. Перед глазами, куда ни по-

верни голову, постоянно вставала его наглая веснушчатая физиономия с восторженной улыбкой идиота. Хоть бы скорее школу закончить, что ли! Да уехать куда-нибудь подальше от его домогательств. Он-то вряд ли будет куда поступать. Извозом займётся, как парням говорил. А значит, останется в их небольшом районном городке. И скорее всего, навсегда. Под крылышком «почитаемого» в городе папаши.

Отца Борькиного знали все — от мала до велика. Он был начальником их районного отделения милиции. В детском саду своим отцом Борька очень кичился. В начальной школе говорить о нём стал меньше, а в старших классах любое упоминание об отце его просто бесило. Однажды математичка, выводя в Борькином дневнике жирную «единицу», усмехнулась: «Отец у тебя, Тарасов, такая уважаемая в городе личность, а ты в кого пошёл?» — «Как «в кого»? В папочку! — опёрся ладонями об учительский стол Борька и приблизил свой чуб к самому лицу математички: — Я его тоже уважаю, беру за хвост и провожаю! Понятно?!» — «Это ты про отца так говоришь?!» — отпрянув от него, бледными губами прошептала та. «А как вы угадали? — продолжал издеваться Борька. — Про него, любимого! И этой «уважаемой личности» ваш привет обязательно передам!»

Со злопамятной математичкой никто бы в классе так разговаривать не посмел. И теперь все ждали, когда же она начнёт Борьку гнобить. Но та будто вообще забыла про Борькино существование. И случай этот «канул в Лету».

— Ты чего всегда такая смурная?! — легонько тронул Илону за локоть Борька. — Выходные впереди, и... лето не за горами, а ты всё хмуришься. Экзаменов боишься или случилось что?

— С чего ты взял?

— Разговаривать не хочешь!

— Тороплюсь!

— Не ври, Гагара! Я ведь тебя насквозь вижу!

— У меня, между прочим, имя есть!

— А чем тебе Гагара не нравится? — довольно искренне удивился Борька. — Меня вон Бульбой до сих пор прозывают. Ну и что! Не сержусь. Пусть хоть горшком назовут, лишь бы в печь не ставили. — Довольный своим юмором, Борька захохотал. Илона только криво ухмыльнулась на его плоскую шутку. Счастливый! Как

мало ему для радости надо! Борька, не заметив её усмешки, продолжал забавлять себя: — А гагара — такая привлекательная птица! Так что ты это ... зря. — И зашептал прямо в лицо, чуть понизив голос: — Давай вечером встретимся, по душам поговорим, а? Можно ко мне пойти, шампанского по бокалу выпить. Предки на дачу укатили. — Он нервно подкидывал рукой вверх теннисный мячик и ловко, не глядя, ловил его. Любимое занятие дебилов!

— Я по вечерам занята. Занимаюсь. Так что извини.

Борька не отступал, схватил её за руку и выдохнул прямо в самое ухо:

— Ведь знаешь, что с детства до тебя сам не свой!

— Отпусти! Слышишь?! — откинула она его от себя плечом. — Лучше бы ты, Тарасов, какого-нибудь пса бездомного своей любовью обласкал!

— Ты мне что, не веришь?! — взорвался Борька.

— Постесняйся людей! Вон на нас уж прохожие оборачиваются!

Борька оглянулся. Кое-кто из прохожих действительно задерживал на них свой взгляд. В расширившихся Борькиных зрачках сверкнула злость.

— Да я на них плевать хотел! Любому сейчас морду начишу! Чтобы пропал интерес любопытничать!

— Прекрати!

— Всё Владьку забыть не можешь?! — с горечью вырвалось у него.

— А тебе-то какое дело?!

— Да его кости уж сгнили давно! Нет его, нет!!! Понимаешь?! А я есть! И люблю тебя! Станешь моей — слово даю: всю жизнь на руках носить буду!

— А ты меня спросил? Мне это надо?!

Но Борька, как всегда, ничего не хотел слышать. Ему, как всегда, всеми правдами и неправдами хотелось добиться своего. Завидная целеустремлённость! От кого это у него? От папаши, наверное.

— Короче, сегодня вечером в парке! Буду ждать тебя! Точка!

Внутри у Илоны всё заклокотало, забурлило. Ишь, распустился! Приказывать он ей будет! С детства пытается ею повелевать да запугивать! Ну уж нет! Не выйдет!

— Не жди! Всё равно не приду! И никогда твоей не буду! Заруби себе на носу! — и устремилась дальше с такой решительностью, что Борька отступил.

— Не буди во мне зверя, Гагара!!! — угрожающе прокричал ей вслед Борька. Но, слава богу, кажется, отстал.

Все выходные отсидела дома. Хоть на дворе уже вовсю хозяйничал бесшабашный май. Голлову дурманил запах зацветающей черёмухи, и птицы заливались на все голоса, подраживая таким, как она, домоседов. Асфальтовая дорожка, что вела от крыльца к калитке, была давно сухой, а лес, такой свежий, обновлённый, манил своею простодушной открытостью. Скоро можно уже будет спать в мансарде, что была выстроена отцом на чердаке. В мансарде было два окна. Из одного был виден сосновый бор на взгорке, из другого — берёзовая роща, что простиралась до самого горизонта, где когда-то были совхозные без конца и края поля. Теперь осиротевшие и никому не нужные, они зарастали крапивой, купырём, сурепкой, иван-чаем, меняя свою окраску несколько раз в течение лета. Кое-где уже начинал прорастать кустарник. Из одного окна мансарды можно было наблюдать восход, из другого — закат. Жаворонком Илона не была, восходы наблюдать доводилось не часто, а вот закаты!..

Дом свой Илона любила, хоть и небольшой, без второго этажа, но просторный. На троих — три комнаты. Да ещё веранда, которая служила им столовой в летнее время. Под окном её комнаты — палисадник, где в конце июня зацвели бордовые георгины, белые махровые мальвы и даже голубые гладиолусы. Редкостный сорт этот откуда-то привезла мама. За цветами ухаживала Илона. Цветов было много везде: не только в палисаднике, но и вдоль всей асфальтовой дорожки. Правда, здесь старалась высаживать низкорослые сорта: анютины глазки, бархатцы, петунии. В летний период в доме был водопровод. А зимой, как во всех частных домах, воду наливали в умывальник. Их участок был самым крайним к лесу. Уличная дорога за домом сужалась и переходила в тропинку, которая вела на взгорок, в сосновую рощу, а потом, извиваясь ужом,

опускалась к реке. Березняк начинался за домом и огородом. В нём тоже было очень красиво. Берёзы росли необычно высокими. Их кроны, казалось, упирались в самое небо. Дом был в три раза ниже берёз, белые стволы которых почти не имели сучьев. И роща с мансарды просматривалась насквозь до самого поля, которое в начале июня покрывалось золотом одуванчиков. Словом, куда ни глянь — такая красота! Было и ещё одно важное обстоятельство, которое больше всего грело душу. Ни один из её одноклассников не жил в этом районе. Миновав черёмуховые заросли, что отделяли их частный сектор от города, оказывалась совершенно в другом мире — умиротворённом, без этой городской суеты, суматохи и бесхозяйственности. Ведь только в городе можно увидеть на обочине дороги заросший травой грузовик или полуразвалившийся каркас недостроенного дома, не говоря уже о мусорных контейнерах, с которыми так безжалостно расправлялся ветер. После выходных в контейнерах скапливалось столько отходов, что крышки уже не закрывались. За ночь ветер разносил всё это «добро» за сотню метров. И выходявшие на работу из домов люди брезгливо кривились и чертыхались, кость в душе непогоду, безответственное ЖКХ, неряшливых соседей и даже мерзкий понедельник.

В их частном секторе такого не было. Соседи все — как на подбор. Дома справные, участки прибранные. Такой порядок видела только в Финляндии, куда лучших учеников школы отправили однажды в летний лагерь. Всё хорошо, если бы только не эти черёмуховые кусты!..

Захотелось надеть старенькие джинсы, куртку, кроссовки и рвануть на природу — послушать, как шуршит под ногами сухой сероватый мох соснового бора, потрогать рукой тёплую шершавую кору старых сосен. Или побродить по берёзовой роще, слизывая с заскорузлых ран шелковистых стволов сладкие капельки засыхающего сока. И не думать ни о чём! Просто созерцать эту ни с чем не сравнимую красоту, вдыхать её, наполняться её жизненной силой.

Задумалась. Последнее время всё чаще поднималось что-то в душе, рвалось наружу. Если бы умела, писала бы, наверное, стихи, но рифмы с ней дружбу не заводили. Если какие и

проклёвывались, то были такими примитивными, как детские скороговорки. Зато у подруги Светланы получалось. Одно из её стихотворений Илона даже наизусть выучила.

*Сгребают листья и сжигают на кострах,
И горьковатый дым слезой застыл в глазах.
Живу я будущим, и прошлого не жаль!
И это дым в глазах моих, а не печаль.*

*Но память, как костёр, горит в душе моей,
И листья жёлтые, как тени прошлых дней.
Ведь даже поезд не проходит без следа,
Так не клянись, что их не вспомнишь никогда!*

Вот кому прямая дорога в филологию! Её, Илону, всегда тянуло к Светлане. И не только потому, что та умела писать стихи. Притягивались друг к другу, как разно заряженные магнитные полюса. Они были совсем не похожи. Даже волосы у них были разными. У Светки вон какие светлые кудри, а у неё пряди не понять какого цвета, словно их тёмным пеплом кто посыпал. И такие непослушные. Каждый день мыть надо, иначе не уложить, топорщатся во все стороны. Характер у Светки покладистый, уступчивый. Со всеми соглашается, а если и другого мнения, то просто деликатно промолчит. И этого никто не заметит. Даже Борька обидного слова для неё не находил. И по прозвищу Татарка, как бывало в детском саду, давно уж не зовёт. Такая вот она, Света Татарина! Плывёт себе по течению, как самая безобидная щепка, легко и беспрепятственно. Зато все её любят: и учителя, и сверстники. А в голове фонариком зажглось: «Зависть это у меня, что ли?» Да нет! Зависть, это когда зла желают. А она разве плохого ей хочет?!

Это успокоило. И всё-таки лучше выучиться на школьного психолога. Хотя... Какой из неё психолог?! «Отношения с окружающим миром», как любила повторять бывшая их классная Алла Ивановна, выстраивались у неё не легко. Вот и Борьку взять...

Лежала на тахте и листала книжку с цитатами великих и мудрых: «Самый лучший способ защитить себя от проблем — превратить своего врага в друга!» Чушь какая-то! Как можно превратить Тарасова в друга?! Он бы, конечно,

рад, только ей как себя пересилить? От одного его развязного голоса в дрожь бросает.

В понедельник в школе Борька её своим взглядом не точил. Даже когда поворачивалась в его сторону, видела Борькин выпуклый затылок. Дошло, наверное. Слава богу! Ведь прямым текстом влепила. Чего уж там не понять!

Вечерами выходили со Светкой на прогулку. Чаще всего анализировали поступки и характеры одноклассников. Нет, не «косточки перемывали», как это обычно делали другие девчонки в их классе. Ведь выискивали не только плохие, но и хорошие черты, даже в Борьке. А что? Трусом Борька никогда не был. Скорее наоборот, всё время лез на рожон. От своих проделок не отмазывался. Свою вину на других не валил. Разве что однажды, ещё в детском саду. Но это когда было!.. На справедливые упреки и даже наказания не обижался. От критики, правда, отмахивался. А кто её любит? Ни подлизой, ни притворой назвать его тоже было нельзя. Но с другой стороны посмотреть — откровенный хам и выпендрёжник. И усмехнулась, вспомнив случай, который произошёл однажды на уроке истории.

Учитель истории Фёдор Евгеньевич, хоть возраста довольно преклонного, к девочкам был заметно «неравнодушен», чего не могли простить ему парни. Когда кто-нибудь из девочек строил ему «масленные глазки», историк весь смущался и улыбался как ребёнок, выдавая свою слабость, как говорится, «с потрохами». При этом почему-то начинал поглаживать затылок, на котором только и сохранились остатки волос. Особенно удавалось это Люське Ершовой. Красавицей Люську назвать было нельзя. Обыкновенная простушка, каких в школе, как любит сказать мама, «пруд пруди». Но вот женские округлые формы не заметить было нельзя — они вызывали затаённый интерес мальчишек и откровенную зависть девочек в классе. У Люськи были одни пятёрки по истории. Получала она их запросто. Выйдет к доске и начинает жеманиться. Маленькие глазки свои и скосит, и закатит, а потом таким фальшивым умилением наполнит, что смотреть противно. Парни от смеха катаются! А Фёдор Евгеньевич по столу кула-

ком стучит: «Садись, Ершова, пять. Не дают слова сказать! Ну-ка, Чижиков, к доске! Повтори, какой я вопрос Ершовой задал!» Беспомощный Витькин взгляд начинал метаться по классу, умоляя о подсказке. И даже шея вытягивалась, как у гуся. И ладонь к уху рупором приставлена. Благо, Фёдор Евгеньевич стоит к нему спиной. «Садись! Единица! На уроке учителя слушать надо. А не рожи кривить». — Демонстративно шаркая ногами по полу, Витька шёл к своей парте и угрожающе шептал: «Ну, погоди, Федя! Отольются мышке кошкины слёзки!»

В классе историю никто не учил. Знали только перечень общественно-экономических формаций, схему смены которых Фёдор Евгеньевич упорно рисовал на доске почти на каждом уроке. Это был его излюбленный конёк. Что ещё нового говорил — никто не помнил. Каждый занимался своим делом. И хоть Фёдор Евгеньевич после очередной фразы повторял: «Тише! Шумно в классе!», класс не затихал, потому как на замечания Фёдора Евгеньевича никто и никогда внимания не обращал. На его уроках все сидели не на своих привычных местах, а пересаживались куда кому вздумается. И даже при этом открыто гуляли по классу. Знали: историк никому жаловаться не будет. Его репутация среди родителей школьников и так была под угрозой. Возмущённые письма шли и директору, и в управление районным образованием, но там работала его жена. И все заявления бесследно исчезали. К тому же мужчины в школах вообще «дефицит». Вот и у них: директор, Георгий Иванович, физрук и историк. Уроки истории директор посещал часто. Но в его присутствии, разумеется, никто никаких вольностей себе не позволял. Хотя один прокол был. Как-то Славка Кравченко, что жил в интернате для ребят из соседних деревень, на урок опоздал и директора, сидящего за задней партой, не заметил. Проходя мимо учительского стола, остановился, погладил Фёдора Евгеньевича по лысине и, нагло улыбаясь, сказал:

— Вы, Фёдор Евгеньевич, причесаться забыли. А ведь у нас столько красивых девочек в классе! Стыдно, батюшка! Может, расчёски нет? Так подарю. — И демонстративно вынул

из кармана расчёску да ещё стал сдувать с неё прилипшие волосинки.

И тут гробовую тишину разрезал глухой голос Георгия Ивановича:

— А ну-ка подойди сюда, мальчик! — Вместо звука «ч» у директора всегда звучало «ц». Георгий Иванович был южных кровей. Славку как ветром сдуло — только дверь хлопнула. Что было потом, гадали всем классом. Несколько дней Славка в школе не появлялся, а когда пришёл, рассказывать что-либо категорически отказался. На все докучливые вопросы только отмахивался. Из чего следовало, что досталось ему нехило.

И всё же измываться над историком в классе продолжали.

Однажды Борька сел сзади Илоны и заговорщицки прошептал:

— Гагара! Давай хохму устроим. Я сейчас тебя буду тихонько по спине линейкой бить. А ты вой подними, отмахивайся, Феде жалуйся, ладно? Он от тебя без ума! Сразу заступаться ринется.

И не успела Илона ничего ответить, как Борька защёлкал линейкой по спине, не больно, хохмы ради.

— А что Тарасов слушать мешает! — подала голос она. И, развернувшись, с превеликим удовольствием звезданула Борьку наотмашь по упругой груди. Фёдор Евгеньевич одним прыжком оказался у Борькиной парты.

— А ну, Тарасов, прекрати сейчас же!

И тут Борька такое выдал — вдруг вскочил, рванул на груди рубаху, да так, что звонко посыпались на пол железные пуговицы, и заорал словно сумасшедший:

— На, гад! Стреляй в революцию!!!

Фёдор Евгеньевич отпрянул, а класс после минутной тишины взвыл! Фраза эта была выдрана Борькой из известного сериала, который в ту пору шёл по телевидению. И даже Илона не могла сдержать смеха. Борька, довольный своей шуткой, простодушно лыбился ей, смешно растягивая руками щёки в стороны. Гоготал не только класс, смеялся вместе со всеми и сам историк.

Вот такой он, Борька Тарасов! Причём ещё настырный и своенравный до безобразия! Пристанет, как липкая смола к рукам, от которой не

отскоблить ладони, чем только ни три! И вообще, если перечислять его «тараканов», ни на руках, ни на ногах пальцев не хватит. Словом, одиозная личность! Выражение это — «одиозная личность» — Илона узнала совсем недавно. И к Борьке, на её взгляд, оно очень подходило! Как он тогда про Владика сказал?! «Кости давно сгнили...» Идиот! Владик ему, Бульбе, не чета! И останется в её памяти на всю жизнь!

В субботу, гуляя со Светкой по парку, всё время оборачивалась, словно чей-то неотвязный взгляд колотил ей спину.

— Ты что, боишься кого? — спросила Светлана.

— Да ты что! Когда это я кого-нибудь боялась?! — Это было явной бравадой. Поняла, но перед подругой каяться не стала. Вычитала где-то, и врубилась слова в душу: «Покайся в своём грехе Богу — и будешь прощён. Покайся людям — и будешь осмеян!»

— А зачем тогда оглядываешься на каждом шагу? — допытывалась Светка. Светкина манера задерживать дыхание перед каким-нибудь шекотливым вопросом Илону всегда раздражала. Наберёт воздуха в лёгкие, откроет рот и замолчит, будто раздумывает, озвучить мысль или нет. Вот и сейчас выдохнула: — Ждётся кого-то?

Что пристала?! Видит же, что не хочется ей отвечать...

— Нет! — Прозвучало это резко и грубовато. Подруга обидчиво скосила на неё глаза. — Прости, пожалуйста, — поторопилась извиниться Илона. — Кого мне ждать-то, кроме тебя?! Сама ведь знаешь. Просто голова разболелась. Пойду домой, ладно?

Слукавила, конечно. Этот Борька вносил дискомфорт в её состояние. И хоть явных причин для волнений вроде не было, в душе поселился червь тревоги.

— Может, тебя проводить? — предложила Света. — Темно уже. А у вас там такие кусты непролазные.

Их улочка Молодёжная действительно пряталась за разросшимися кустами черёмухи. Во время цветения аромат черёмухи дурманит голову, а летом глазам открывалась ужасная картина. Деревья затягивались паутиной. Какая-то мелкая тля съедала листья дотла. И если бы

не паутина, можно было подумать, что на деревья обрушился великий пал, сжигая всё на своём пути. Видеть такое зрелище было больно, но кому есть дело до «ничейных» кустов? Тем более, что от уличной дороги их отделяла глубокая канава.

— Так проводить? — переспросила Светлана.

— Ещё чего! — отмахнулась Илона. — А потом я тебя провожать буду, да? Ну-ну! Или родителей мобилой вызывать? Мол, мы, тётки шестнадцатилетние, боимся темноты? Дурдом! Даже в голову не бери. До завтра!

Однако, проходя мимо кустов, стала невольно прислушиваться к каждому шороху и хрусту. Старалась не озираться по сторонам. И, отгоняя страх, принялась мысленно стыдить себя: «Ну что, Гагара?! Поджилки затряслись? Эх ты, птица вольная! Борьки испугалась! А страхи-то, они притягивают неприятности. Подруг этому учишь. А сама довела себя трусостью до слуховых галлюцинаций!» Только какие там галлюцинации... Опять этот хруст!.. Кто там: человек или зверь? Звуки становились всё отчётливее. Остановилась, затаила дыхание. И тут на неё сзади кто-то накинулся и крепко зажал рот рукой. В лицо пахло пергаром, и пьяный Борькин голос прошептал:

— Молчи, Гагара! Не больно будет! Я для тебя пуховое ложе подготовил.

Сильные Борькины руки потащили её через канаву в заросли кустарника. Губы склеил липкий пластырь. Вот изверг! Бандитских сериалов насмотрелся. А грубые Борькины пальцы уже скользили по её голым ногам. И всё смешалось в голове: боль, гнев, стыд, отчаяние! Всплыла в памяти та картинка из далёкого детства: тот «тихий час» в детском саду. Взрослые пьют чай в соседней комнате. Борька взасос целует подушку, называя её женой, и прыгает на подушке самым постыдным образом. А она от ужаса и гадливости натягивает на голову одеяло, чтобы не видеть и не слышать всего этого.

И снова Борькин возбуждённый шёпот-бред в самое ухо:

— Прости, Гагара! Не хотела разговора, теперь терпи. Уж как получится!

Он опрокинул её на что-то мягкое, придавил своим грузным телом и стал целовать лицо,

шею, грудь. Войдя в раж, на миг потерял бдительность, отпустив её правую руку. И рука эта, освобождённая из плена, мгновенно нащупала камень. Довольно увесистый, с острыми краями. Крепко сжала камень и изо всех сил размахнулась. И тут отчётливо услышала тихие Борькины слова: «Не бойсь! Не трону!»

Но руку уже было не остановить!!!

Он вскрикнул и обмяк. Пришла в себя, почувствовав на лице что-то тёплое и липкое. И затошнило от жуткого запаха крови. С трудом выползла из-под Борькиного недвижимого тела и в ужасе вскрикнула, увидев вместо его лица кровавое месиво. Бросилась через канаву на дорогу, раскинув в стороны руки. Её ослепил свет фар.

«Стойте! Помогите!!!» Это кричит она или ей только кажется?

Машина затормозила. Из кабины проворно выскочили мужчина и женщина.

— Помогите! — еле прошептала Илона. — Я его убила! Он там, в кустах. — И тут же провалилась в какую-то мягкую темноту.

Очнулась в больнице. Возле постели сидела мама. Сразу и не узнала её. Красивое мамино лицо распухло от слёз, большие глаза превратились в «китайские щелочки».

Первое, что спросила:

— Он умер?!

— Не волнуйся, жив. Ему сделали операцию. Правда... — тут мама замаялась и почему-то отвела взгляд в сторону. Илона резко приподняла голову с подушки. Пытливо уставилась ей прямо в лицо.

— Что?!! Говори!

— Глаз, по-моему, спасти не удалось, — торопливо добавила: — Судебного процесса не будет. Борис во всём признался следователю, сказал, что сам виноват. Хотя можешь и ты написать заявление. Тогда отвечать придётся уже ему.

Илона застонала и покачала головой. Мама как будто даже обрадовалась.

— Я тоже так думаю, — тихо зашептала она, оглядываясь на больных в палате. — Подальше

от этого семейства надо... Про его отца знаешь что говорят?! — И наклонилась к самому её уху: — Всю милицию в кулаке держит. Выгородит он его! Сын ведь!.. Да и мать жалко...

Но Илона замотала головой по подушке. Ну что она такое говорит! Несёт какую-то ерунду! При чём здесь заявление?! Его отец?! Плевать ей на то, что он кого-то там «в кулаке держит!». Неужели теперь Борька без глаза останется?! Ведь не хотел он ничего плохого!.. И всплыли в памяти его последние слова: «Не бойсь! Не трону!»

Уткнулась лицом в подушку и больше не произнесла ни слова. И даже когда вошёл отец, не повернула головы, сколько он ни уговаривал. И потом несколько дней не открывала глаз, делала вид, что спит. Мама тихо плакала, отец тяжело вздыхал. Уходили, не прощаясь.

А через неделю ей разрешили зайти к Борьке в палату. Он всё ещё был под капельницей. Лицо всё в бинтах. Глаза закрыты. Может, спал, а может, как и она тогда, просто не хотел никого видеть.

Тихо присела на стул возле его постели. Он шевельнул губами. Но глаз так и не открыл.

— Я ждал тебя. Прости меня, Гагара, если можешь! И не вини себя. Не надо! Я получил то, что заслужил. И запомни: я... не встречал девчонки лучше!

Илона съёжилась. Опять он за своё! Господи! Что за человек такой?! Думала, злиться будет, прогонит. А он?!

Будто прочитав её мысли, Борька только тяжело вздохнул. И долго молчал. Наконец открыл глаза. Вернее, один глаз, красный и отёкший. Но совсем не злой.

— Знаешь, чем больше ты ненавидишь меня, тем сильнее меня к тебе тянет. Злюсь на себя, на тебя и... ничего не могу с собой поделать! Что это, а?! Двенадцать лет душевных мук! Помнишь, в детском саду? Камень в твоей руке!.. — Камень?! Какой камень? Про что это он? А Борька тем временем продолжал: — А может, ты ведьма? Ну улыбнись ты мне хоть раз! — Вот глупый. До улыбок ли тут! Вон как ноги дрожат. — Знаешь, как я завидовал, когда ты Владьке улыбалась!

Борька прикусил себе губу так сильно, что

на ней выступила капелька крови. Она протянула руку, чтобы вытереть, но он резко отвернул лицо в сторону.

— Я ведь не хотел тебя обидеть. Думаешь, пригласил домой для чего-то там?.. Нет, Гагара! А когда отшила — что-то во мне замкнуло. Много дней за тобой тайком наблюдал. Видел, как ты со Светкой в парке гуляла. Но подойти не решался. Боялся, что такого наговоришь! И в тот субботний день, оставшись дома один, перепил с горя! Вот башку и снесло!.. Разве мог бы так пугать... В здравом уме? Никогда! Ненавижу себя!

Голос у Борьки был таким подавленным и искренним, что у Илоны на глаза навернулись слёзы. И так хотелось верить этим словам! Смотрела на него, а в голове сверлило: «Неужели я и правда могла сотворить с человеком такое? Представить страшно! Камнем по лицу. Изо всех сил! Наверное, так больно было! И будет теперь всю жизнь смотреть на мир одним глазом. Крах всем планам и мечтам. Ведь даже водителем ему уже не стать».

И опять Борька вторгся в её мысли:

— Не надо меня жалеть! Лучше уйди! — и добавил уже еле слышно: — Прошу тебя, уйди, ладно?..

Но она не тронулась с места. Только отвела взгляд в сторону. Что он сказал про камень?! И вдруг пронзило смутной догадкой: так вот оно что! Камень!!! Мистика какая-то! Как в кино. Раз показали крупным планом ружьё — оно обязательно должно выстрелить. Так и тут: камень. Она в детстве сжимала его в руке. Но ведь не для того, чтобы кого-то ударить или уж тем более убить!

И всё поплыло перед глазами. И захотелось умереть!

Встала и медленно, спиной, попятилась к двери. Видела, как он закрыл лицо руками, чтобы она не могла видеть его слёз.

Вернувшись в свою палату, плюхнулась на больничную койку и отвернулась лицом к стене. Не ела, не разговаривала, не открывала глаз, не пила таблеток, не позволяла делать себе уколы. Тогда пришли санитары, силой перекинули её на каталку и повезли в другое от-

деление. Ей сделалось абсолютно всё равно: куда везут, зачем. Хоть сразу в морг. Ни одна мышца на лице не дрогнула бы. Ещё и лучше. Не брать самой грех на душу.

Потом всё-таки ввели в вену какой-то укол. И захотелось спать. Сколько ни силилась окинуть взглядом палату, сделать этого так и не смогла. Веки тяжело опустились на глаза, и сон, словно по мановению волшебной палочки, унёс её куда-то к водоёму.

Приснилось, будто она птица гагара. И ей так нужно взлететь. Она бежит против ветра, громко хлопает крыльями по воде. И наконец отрывается от земли и быстро-быстро летит в сторону рассвета.

Вот кто-то осторожно берёт её за руку. Илона с трудом поднимает свинцовые веки. Как ей хочется остаться гагарой! Ну что им всем от неё нужно?!

Женщина-врач, что присела на краешек её постели, возраста её бабушки. Этаким божий одуванчик в белом накрахмаленном колпачке, каких современные врачи давно уже не носят. Лицо маленькое, круглое и чуть припухлое от возраста. Глаза добрые, улыбочивые. Такими, как эта бабулька, в детстве представляла она себе волшебных фей.

Женщина ни о чём не спрашивает, а просто держит её руку в своих сухоньких ладонях, держит долго-долго. И что странно, от рук женщины исходит не тепло, а приятная прохлада. И вдруг почувствовала, что странная прохлада эта поднимается от рук к груди. В груди всё затряслось, из глаз хлынули слёзы. И уже не сдержат рыданий, громких, отчаянных, безутешных. Хоть пальцы себе все искусай! Не остановиться — и всё! Чей-то шёпот, таинственный и завораживающий, велит:

— Ну, а теперь рассказывай! Всё как на духу! С самого начала!

Задыхаясь от нахлынувших слёз и какого-то непонятого возбуждения, Илона начинает говорить. Быстро, торопливо, словно опасаясь, что её не дослушают, прервут, не поверив.

— Это всё началось с того камня, в детском саду! Не верите? Правда! Я держала его в руке и впитывала в себя его силу! И больше не ве-

рила никому, только камню и себе! Он был красивый, этот камень. Разноцветный. Если на него глядеть долго-долго, можно было увидеть и глаза, и нос, и усы. Я с ним даже разговаривала, как с куклой.

Что с ней творится?! Это она говорит или ей показывают кем-то отснятый скрытой камерой фильм?

Вот она сидит на «штрафной скамейке», куда сажали кого-нибудь из провинившихся на прогулке ребят, изолируя от группы. Сидит одна и крепко сжимает в руке камень. Шершавая поверхность камня до боли вдавливается ей в ладонь, заглушая ту, другую боль, от которой не избавиться уже несколько дней. Но она не плачет, даже ночью. Знает, что слёзы привлекут внимание ребят и они начнут над ней издеваться ещё больше. Она даже не болтает ногами, просто сидит и смотрит на землю, где беспомощно перебирает лапками перевернувшаяся на спину божья коровка. Коровку жаль. Она разжимает затёкшую руку, кладёт камень на скамейку, с опаской оглядывается на играющих вдалеке ребят, затем на воспитателей, которые что-то оживлённо обсуждают возле беседки, и помогает этой маленькой букашке с чёрными пятнышками на коричневатой спинке перевернуться брюшком к земле. Но та не торопится улетать. Тогда Илона тихонько шепчет: «Божья коровка, улети на небко. Там твои детки кушают конфетки. Всем по одной, а тебе ни одной!» Этому научила её папина бабушка, что живёт с дедушкой в деревне. Она много чего знает. Илона бы жила в деревне всю жизнь, если бы мама с папой согласились туда переехать. Магические слова делают своё дело. Божья коровка выпускает крылья и неспешно взлетает. Илона долго смотрит ей вслед. Но вот рука снова тянется к камню. Нет, она не собирается бросать камень в кого-нибудь из ребят. Это ведь так больно. В прошлом году ей нечаянно попало булыжником по ноге. Был большой и очень большой синяк. Просто ей так тоскливо одной. А с камнем можно даже поговорить. «Вот отсижу здесь сколько надо и снова стану такой, как все, — тихонько шепчет она камню. — И Тамара Петровна погладит меня по голове. Мальчишки не будут

больше обзывать и толкать. И Света снова будет играть со мной». Но камень молчит. Это ничего. Бабушка говорит, что камни умеют хранить тайны. Ему можно всё рассказать. Вот так, шёпотом, чтобы никто не услышал. Хотя к ней давно уже никто из ребят не подходит, не бросает колкучи в волосы, не швыряет песком в глаза и даже не называет Гагарой. Прозвище это совсем не обидное. Просто фамилия у неё такая — Гагарина. Ну Гагара и Гагара! Просто птица, которая плавает. В детском саду у всех прозвища: Васильева прозывают Васей, хоть он совсем не Вася, а Максим, Лёню Тузова — Тузом, Лену Ершову — Ершихой, Свету Татаринovu — Татаркой, хоть на татарку она вовсе не похожа: у татар волосы чёрные, а у неё — белые. И вообще, Света очень добрая, и они дружат, вернее... дружили! Но после бойкота, объявленного Илоне воспитательницей, Света к ней больше не подходила, а только с какой-то жалостью наблюдала за ней издалека. И даже в «тихий час», как прежде, не шекотала ей ладошку пальцами, тихонько протянув под одеялом руку. Их кровати-раскладушки стоят рядом. Сейчас Тамара Петровна строго следит за тем, чтобы никто из ребят не вздумал играть с ней. Бойкот есть бойкот. Он для тех, кто совершает плохие поступки. Она виновата в том, что рассказала отцу про «тихий час»...

Случилось это несколько дней назад. Обычно во время «тихого часа» воспитатели и нянечки уходили в соседнюю комнату младшей группы пить чай. Предупреждали, что в спальнях ведётся видеонаблюдение. Что, мол, они, взрослые, хоть и пьют чай, но всё видят по телевизору, кто и как себя ведёт. Но Борька Тарасов не верил, говорил, что всё это — «липа», что ничего они не видят, а сидят, как его папа говорит, да сплетничают. И в подтверждение этому однажды взял да встал, а потом и вообще прошёл по спальне, правда, на цыпочках. Осторожно подкрался к двери, которую на всякий случай воспитатели оставляли открытой, и тихонько прикрыл её. Голоса взрослых сразу стали тише и глуше. А Борька принялся кривить рожу, изображая победный восторг. Потом, нырнув в свою постель, начал вытворять такое, от чего у всех ребят разом выпучились глаза и они сели на постелях. Борька заявил, что подушка — его жена. Стал

крепко тискать её, целовать взсос, а потом и вообще, сняв трусы, упал на неё животом и принялся как-то странно раскачиваться на кровати. Что было дальше, Илона не видела, потому что натянула одеяло на голову. Ей отчего-то сделалось так стыдно, что стало пылать лицо и даже волосы на голове взмокли. Слышала, как громко хохотали мальчишки, и громче всех Витька Чижиков, а девочки морщились и отворачивались: «Фу-у-у, дурак!» Но тут послышался голос Тамары Петровны: «Это кто там озорничает?! Кто спать другим не даёт?!»

Борька мигом утихомирился, закрыл глаза и притворился спящим. Да и все, кто хохотал, спрятались под одеяла. В спальне воцарилась затаённая тишина. Воспитательница присела на стул возле батареи. Никто не шевелился. Её присутствие ощущали даже с закрытыми глазами. Тамару Петровну побаивались в группе все без исключения. Голос у неё был необыкновенно громкий и какой-то стальной. И когда она кого-нибудь ругала, внутри у Илоны всё сжималось. Такое случалось с ней, когда кто-нибудь водил железом по стеклу. Пальцы у Тамары Петровны были грубыми и цепкими. Никому из мальчишек не удавалось вырваться из её рук, даже при сильном психе. От острого взгляда прищуренных глаз воспитательницы сердце у Илоны начинало биться часто-часто и внизу живота появлялся какой-то холодок. Хотелось скорее зажмуриться, чтобы не видеть её каменного лица. У Тамары Петровны косил один глаз. И было непонятно, на кого она смотрит: на тебя или на того, кто стоит рядом справа. Желая это понять, Илона всегда оглядывалась по сторонам. На что воспитательница едко говорила: «Я тебе говорю, тебе!» Илона часто хлопала ресницами, но спрятаться от пристального взгляда Тамары Петровны было некуда. Оставалось только опустить голову. Что она и делала.

Тамару Петровну боялись не только дети, но и нянечка Галина Трофимовна, хоть и была она намного старше воспитательницы. Шея у неё была тонкая и морщинистая, как у черепахи, что жила у них в «живом уголке». Бледные щёки складывались в глубокие складки. Галина Трофимовна сама никогда не повышала на ребят голос, только пугала: «Скажу вот сейчас

Тамаре Петровне! Будешь знать тогда!» Это звучало угрожающе.

Через несколько дней после того злосчастного «тихого часа» Тамара Петровна поманила её к себе пальцем. А Илоне почему-то сразу захотелось в туалет. Угадав её намерение, воспитательница прошипела:

— Куда?!! А ну, быстро ко мне! — Сжавшись в комок, Илона приблизилась. — Я вчера разговаривала с твоим отцом. Он сказал, что на «тихом часе» ребята у нас не спят, а занимаются «чёрт знает чем», в то время как мы, воспитатели, «спокойно распиваем чай». — Тамара Петровна в точности передала интонацию отца. Значит, папка всё-таки рассказал ей! А ведь она так доверилась ему! — Так чем занимались мальчики на «тихом часе»? — коршуном навис над ней вопрос воспитательницы. — Повтори мне то, что ты сказала отцу! Слово в слово. Ну?!! — Илона хотела проглотить слюну, но во рту слюны не было. — Что, от вранья язык отсох?! — потрясла её за плечо Тамара Петровна. — Я спрашивала у ребят. Они как один сказали, что дверь закрылась сама собой от ветра, который влетел в спальню через форточку. И что Тарасов в это время крепко спал и даже храпел. А ты что придумала?! Зачем ты позоришь нашу группу? Да после такого никто из ребят с тобой играть не будет! Кому приятно общаться с вруней?! И попробуй только ещё что-нибудь рассказать своему папочке! Тебя в тот же день отчислят из детсада. Знаешь, какая очередь в детский сад? Каждое освободившееся место на вес золота.

Это было правдой. Родители дома часто говорили о том, что их семье «подфартило». А то бы с кем её, Илону, оставить? Бабушки жили далеко: одна, бабушка Лара, в другом городе работала врачом. Папины родители жили в деревне. У них там и корова, и поросёнок, и куры... Кто будет их кормить? Кто будет за ними ухаживать? В деревню к бабушке и дедушке Илона ездила с родителями только летом. И то всего на две недели. Папа работал электриком. Отпуск у него был небольшой. А маме ещё хотелось съездить к морю. У неё от её банковских бумаг «пухла голова». Бабушка Лара обычно подсаживалась к ним в поезде. Она тоже любила море. Считала, что морская вода, солнце и воздух помогают чело-

веку здоровым пережить долгую зиму. Как жаль, что лето уже прошло! Хотя бы Тамара Петровна заболела, что ли! Только где там! Она сама как-то смеялась, что даже вирусы её боятся, мимо пролетают. Интересно, а свинкой взрослые болеют? Им как-то делали прививки. Ребята сначала боялись подставлять медсестре руку для укола. Но Тамара Петровна пугала: «Вот не сделаете прививки, распухнут у вас шеи так, что будете похожими на поросят. А то ещё и хрюкать начнёте!» После этих страшных слов Илона в ужасе потрогала шею рукой. Неужели такое бывает?! И первой подошла к медсестре. Хотя игла на шприце была ужасно длинной!

Другая воспитательница, Ольга Васильевна, была моложе Тамары Петровны и не была такой строгой. Но и ей, скорее всего, рассказали про бойкот. Илона как-то подошла к ней и робко заглянула в глаза. Но Ольга Васильевна сделала вид, что торопится куда-то, и, развернув Илону, легонько подтолкнула в спину: «Иди играй!» И ни о чём не спросила. А ведь раньше всегда улыбалась ей и ласково прижимала к своему боку. Сердце у Илоны опустилось. Она побрела в раздевалку и села на низкую скамейку, на которую обычно садились ребята, когда обувались. А за ней — Тарасов.

— Ну что, ябеда? Нажаловалась?! Предательница! Таких, как ты, предателей, в войну немцы расстреливали! — И он стал изображать расстрел. Указательным пальцем целился прямо ей в голову. Илона закрыла голову руками. Конечно, палец не выстрелит, но всё равно страшно. И камня рядом нет. Тогда она изо всех сил сжала рукой деревянный край скамейки. Борька подскочил к ней и дёрнул за волосы. Не больно, но обидно. А Борька продолжал: — Вот сейчас надаю тебе, и ничего мне не будет. Знаешь кто у меня отец? Самый главный в милиции! Поняла?

Илона молчала. Отец у Борьки действительно был грозным и толстым. Когда он приходил за Борькой: такой строгий, в форме, ребята боялись даже нос высунуть из групповой. Хотя чаще всего Борьку забирала из детсада мама. Илоне Борькина мать нравилась. Худенькая, стройная и красивая. Глаза у неё были удивительно добрые, но взгляд кроткий и беспомощ-

ный, как у бездомного котёнка, которого однажды Илона обнаружила в деревянном сарае. Пока бегала к маме спросить разрешения взять котёнка домой, он подевался куда-то. Наверное, собак испугался. Папа сказал, что это к лучшему. Мол, котёнок бездомный и вшивый. Зачем только папа воспитательнице её тайну рассказал?! Ведь несколько раз спросила: «Не скажешь никому?» И он кивал, соглашался.

А Борька, между тем, всё донимал:

— Запомни: я самый сильный в группе!

— А вот и не самый! — не сдавалась Илона. — Лёня Тузов сильнее тебя!

— Ха! — паясничал Борька. — Нашла сильно-го! Да он, как мой папа говорит, рыхлый весь. Я его, если захочу, могу одним пальцем на пол завалить. Показать?

Сказать было нечего. Лёня действительно был, по сравнению с Борькой, словно ватой набитым. И даже ходил медленно, будто ему было лень передвигать свои толстые ноги. К тому же очень не хотелось, чтобы Борька Лёню на пол завалил.

— Запомни, Гагара! — оглядываясь по сторонам, доверительно прошептал ей Борька. — Я даже воспитательницы не боюсь.

Это было правдой. Тамара Петровна редко делала Борьке замечания. И никогда не тащила за ухо в угол, как других ребят. Просто грозила пальцем: «Папе скажу!» Лицо у Борьки сразу становилось каким-то кислым. Он на глазах сдувался, как проткнутый иглой резиновый шар. Тамара Петровна отца Борькиного обожала. В его присутствии она на глазах превращалась в царевну. Ни с кем из родителей Тамара Петровна не разговаривала таким ласковым голосом.

— А чего это ты, Гагара, в раздевалке сидишь? Своровать что-нибудь хочешь? — всё не мог успокоиться Борька. Говорил, а глаза у самого смеялись.

Илона покрутила пальцем у виска и тихо попросила:

— Отстань ты от меня! Слышишь? Прошу как человека.

— А ты лучше попроси! — откровенно издевался над ней он.

— Это как?!

— Поцелуй!

— Тебя?! — в ужасе сморщила лицо Илона.

— Тогда на колени встань! — быстро переиграл Борька.

— Злой ты! — глядя прямо ему в глаза, выкрикнула она. — Вырастешь и будешь бандитом! Будешь людей мучить!

— Глупая ты! — сплюнул ей под ноги Борька и, насупившись, наконец удалился в групповую.

Фильм закончился. Но врач не уходила. Стала ласково гладить Илону по руке. И она снова заговорила.

— Знаете, у меня в детстве были две любимые сказки: «Красная Шапочка» и «Гадкий утёнок». Красная Шапочка поражала своей смелостью. Ведь она не побоялась даже волка! И бабушку спасла. А «Гадкий утёнок» — эта сказка про меня. Всегда считала себя на него похожей. Такой же угловатой, неумелой и некрасивой. В детстве просила маму читать эту сказку много раз. Та удивлялась и говорила: «Ты же эту сказку уже давно наизусть знаешь!» Но я упрашивала так слёзно, что она снова начинала читать. А когда мама уходила, я плакала, зарываясь лицом в подушку. Потом слёзы кончились и я принималась мечтать о том времени, когда превращусь наконец из гадкого утёнка в прекрасного лебедя. И все откроют рты от восхищения. Все! Даже Борька! Нет, красивой я стать не хотела. И на то были причины...

В детском саду у нас было четыре группы. Обычно во время прогулок все воспитательницы стояли у беседки. Воспитательница младшей группы — её звали Софья Семёновна — была очень красивой, такой красивой, что я даже стеснялась смотреть на неё и всегда разглядывала лишь украдкой. Большие, раскосые и ярко-голубые, как у куклы, глаза, длинные пышные белокурые волосы, полные и красиво очерченные губы. И только голос у неё был неприятный, какой-то визгливый. Это она предложила ребятам играть в бабу-ягу, прекрасных принцесс и бесстрашных рыцарей. А когда стали распределять, кто кем будет, Тамара Петровна сказала, что бабой-ягой буду я. Девчонки, конечно, обрадовались. Никому не хотелось быть злой старухой. А мальчишки сразу выломали вицы, что-

бы заставлять меня бегать от них по площадке. И я бегала, пока они меня не окружили. Мне ничего не оставалось, как спрятаться за воспитатель. И я невольно попятилась ближе к ним. Мальчишки отстали, побежали успокаивать принцесс. Рядом с беседкой была песочница. Я присела возле неё и стала что-то чертить на влажном песке. У меня до сих пор сохранилась такая привычка. Если нервничаю, начинаю что-то чертить, не на песке, конечно, на бумаге. Воспитатели о чём-то шептались и потом громко смеялись. Софья Семёновна отшатнулась назад и чуть не наступила мне на руку. Ойкнула и резко развернулась в мою сторону. Увидев меня, заругалась: «Кто тут под ногами пугается?!» «Есть тут у нас одна известная особа!» — усмехнулась Тамара Петровна. «Ты что здесь делаешь?! Подслушиваешь взрослые разговоры?!»

От визгливых ноток в голосе Софьи Семёновны у меня сердце забилось так сильно — вот-вот выскочит из груди. И ноги перестали держать. Я как подкошенная шлёпнулась на песок.

«Поглядите на неё! Как устроилась! — снова возмутилась Софья Семёновна и, схватив меня за руку, оттащила на середину площадки: — Ну-ка, иди играй с ребятами!»

«Ну что ты на неё так взъелась, Соня?» — попробовала заступиться за меня Ольга Васильевна. Но Тамара Петровна оборвала:

«Брось ты, Оля! Соня права. Нечего им возле взрослых крутиться. Детям много потакать нельзя. Поверь моему опыту. Допустишь слабину — на голову сядут. Пусть привыкает вместе со всеми играть. А то дикая какая-то».

«Добрые рыцари» только этого и ждали. Снова погнали меня по площадке, щёлкая вицами по земле. У дровяного сарая стали хлестать уже не по земле, а по ногам. На ногах образовывались бордовые припухшие ссадины. Я очень боялась, что их увидит мама. Когда она пришла за мной, я всё старалась натянуть подол юбки на ноги как можно ниже. Но мама всё равно увидела.

«Погоди-ка, погоди! — задрала она подол моей юбки. — Что это у тебя? Кто тебя так?! Тарасов?»

«Нет! Я сама. Мы шалаш из веток строили. Вот и поцарапалась», — как можно убедительнее тараторила я.

Мама, поверив, покачала головой.

«Ты у меня как мальчишка худой! Всё тебя на какие-то приключения тянет. Другая бы, как все девочки, в куклы играла. А этой надо какие-то шалаши строить».

Выдумка про шалаш звучала правдоподобно. У дальнего забора территории детсада действительно были спилены кусты. А ветки никто так и не убрал. Они, похоже, уже засохли, потому что листья пожелтели и скукожились. Мальчишки выламывали вицы из этой же кучи.

И про Тарасова маме тоже не соврала. Он, правда, не бил. И даже не злорадствовал, а кусал на пальцах заусенцы. Это он, Борька, подал своим «добрым рыцарям» идею отстать от бабы-яги, пока, мол, воспитатели не заругались.

Ночью ноги зачесались. Наверное, в вицы была вплетена ещё и крапива. Я скоблила кожу до крови. Но не это мешало заснуть. В ушах звучал визгливый голос Софьи Семёновны: «Ты что здесь делаешь?! Подслушиваешь взрослые разговоры?!» Засыпая, я думала: «Нет, лучше уж быть некрасивой, но доброй, чем такой красивой и такой злой».

На другое утро в детский сад я не пошла.

И снова на светлых больничных шторах, как на экране, задвигались тени, на глазах превращаясь в близких ей людей.

— Вставай, доченька! — умоляет её мама. — На работу опоздаю!

— Я дома буду! — отворачивается она лицом к стенке. — Не буду больше в сад ходить.

— А почему? Тебя кто-то обидел? — допытывается мама.

— Нет.

— Ну тогда прекрати эти фокусы! Знаешь какой у меня директор строгий! Уволит и глазом не моргнёт. Как жить будем? Папиной зарплаты на еду и то не хватит. А ведь ещё за квартиру платить надо. Обувь, одежду на какие деньги покупать будем?

— Зато за детский сад платить не нужно будет. Сама могу чай согреть. Буду книжки читать. И дверь никому не открою. Не волнуйся за меня, — всё пытается убедить маму она.

— Ты с ума сошла! До лета ещё целых три ме-

сяца. Да и к школе готовиться надо! В саду воспитатели с вами занятия проводят. — И тянет Илону за руку: — А ну, живо вставай!

Но Илона выдёргивает руку.

— В группу я больше не пойду! Сказала же!.. А насильно отведёшь — убегу! И никто меня не найдёт!

Мама смотрит на неё оторопело, ничего не понимает. Потом переводит взгляд на часы и хватает в руки мобильник.

— Алексей Владимирович, здравствуйте! Не могу сегодня выйти на работу. Да! Да! Дочь тяжело заболела. Буду вызывать врача и, вероятно, выйду на больничный. Температура? Ой, очень высокая!

Ну, мама! Выдумщица! Придумать такое!.. Интересно, а что она врачу скажет?

Мама закончила разговор и долго сидела на кухне. Видимо, обдумывала, что делать дальше.

— Знаешь, Илона, когда врач придёт, скажу, что ночью у тебя была очень высокая температура. И я не знаю отчего. Пусть обследуют, ладно? Сдадим анализы, сходим на приёмы к разным врачам. Хорошо?

— Я врать не буду! — совсем по-взрослому произнесла она. — Буду молчать. Скажи, что дочь глухонемая.

— Илона! Ну что ты такое говоришь? — Мамины брови подпрыгнули к самым волосам. И даже ладонь на сердце легла.

— А что? — сморщила лоб Илона.

— Нельзя так про себя!

— А про температуру высокую, значит, можно?

— Ой, горе ты моё луковое! — вздохнула мама.

Про «горе луковое» мама вспоминала всегда, когда ответить было нечем. А у Илоны вдруг прорвалось то, что нарывало где-то глубоко в груди:

— Зачем папа меня предал?! Зачем воспитательнице рассказал про «тихий час»?! Никогда вам больше ничего не расскажу!

И это было её последнее слово.

Ни мама, ни папа просто никогда не слышали её. Или делали такой вид. Они всегда куда-то торопились, словно жили не в доме, а на вокзале, где царит строгое расписание: еда, уборка, работа, поцелуи. И даже во время ко-

ротких и редких прогулок головы родителей были забыты чем-то таким далёким, что никак не соприкасалось с её миром. На все вопросы отвечали голосом равнодушного автоответчика. И хотелось одного: скорее «положить трубку». Один раз, правда, выслушали до конца про тот злосчастный «тихий час»!.. И что получилось?! Да лучше бы у неё и правда, как сказала тогда Тамара Петровна, язык отсох! И всё-таки её родители лучше Тамары Петровны и Софьи Семёновны. Особенно Илона любила те минуты, когда папа с мамой дурачились. Они разом становились такими красивыми! Жаль, что случалось это не так часто. Почему взрослые боятся дурачиться, как дети?..

Две недели мама водила её по всяким разным врачам. Ни на какие вопросы Илона не отвечала. Папа пробовал завести с ней, как он выразился, откровенный разговор. Но она уже досыта наелась этим «откровением». И потому, смерив его укоризненным взглядом, отвернулась. Тогда отец схватил её за бока и подбросил вверх, как это делал, когда она была совсем маленькой. Но и это не вызвало её улыбки.

Однажды вечером по дороге в магазин им с мамой встретилась Тамара Петровна. Она как ни в чём не бывало потрепала Илону рукой по голове, отчего у Илоны шапка сползла на одно ухо, и любезно спросила:

— Что, дорогая моя, с тобой случилось? Почему в сад не ходишь? Болеешь?

Илона молчала. А что она должна была сказать? Демонстративно водрузила шапку на прежнее место.

— Ну, не хочешь говорить со мной — не говори, — с явно показным равнодушием произнесла Тамара Петровна. — Создаёшь маме с папой проблемы. Тебе ведь к школе готовиться надо. А ты?! — Тут Тамара Петровна перевела взгляд на маму и натянуто улыбнулась ей, подмигивая. Илона видела, как неловко стало маме. Она зачем-то открыла сумку и стала в ней что-то искать. А Тамара Петровна снова наклонилась к Илоне: — Тебя, между прочим, ребята ждут. Боря Тарасов тут как-то у меня спрашивал, почему Илона в сад не ходит?!

Зачем она говорит неправду? Никогда не называл Борька её Илоной. В лучшем случае —

«Гагаринова». А по имени — никогда. Хоть бы скорее эта Тамара Петровна от них отошла. Илона перевернула ногой какой-то камушек. И стала его рассматривать.

— Ох, и характерец у вашей дочери! — произнесла Тамара Петровна, обращаясь к маме. — Трудно вам с ней будет. Не позавидуешь. Ну а мне придётся на её место другого ребёнка брать. Вы уж извините...

Мама только плечами пожала.

— Я понимаю. Простите, Тамара Петровна, мы пойдём, а то чего доброго магазин закроется.

А потом приехала бабушка Лара. Взяла на работе отпуск на целых два месяца. С бабушкой было хорошо. Они с ней подолгу разговаривали обо всём. Только не про детский сад.

— Бабуль, — как-то спросила у неё Илона, — а почему мальчишки такие злые?

— Ну, не все, наверное, — удивлённо взглянула на неё бабушка. — От родителей многое зависит. Мальчики и девочки, конечно, отличаются. И не только ростом, силой и прочим, — тут она замаялась. Но Илона поняла. Мальчики и девочки в старшей группе на горшках вместе уже не сидят. — Вот вырастешь, будут у тебя дети — мальчик и девочка, научишь их уважать, ценить, любить и понимать друг друга. Договорились?

— Скажи, а маму с папой в детстве этому учили?

Вопрос, наверное, бабушке показался каверзным и явно завёл её в тупик. Видя это, Илона вздохнула и перевела разговор на совсем другую тему.

— Бабушка! А что за птица такая — гагара?

— Водоплавающая, — просто ответила та. — Чуть больше утки, но поменьше гуся. Красивая и независимая.

— Независимая? — удивилась Илона. — Как это?

— Да вот так. Всё в одиночку плавает, сама по себе. А по суше передвигается с трудом. Перепонки на лапах большие, как ласты. Зато с такими лапами нырять и плавать удобно.

— А какая она на вид? — Илоне так захотелось узнать как можно больше об этих птицах.

— Верх у неё тёмный, низ атласно-белый. На голове и шее красивый рисунок, — рассказы-

вала бабушка и, перебирая спицами, взяла шерстяные следки. — Однажды мне довелось их увидеть близко-близко. Гнездо, наверное, где-то рядом было, потому и подпустили. Когда к гнезду подходят люди, гагары устраивают шумные «танцы», отвлекая от своего жилища незваных гостей.

— Как это? — снова спросила Илона, осторожно дотрагиваясь до бабушкиной руки, чтобы та отложила в сторону вязанье. И бабушка поняла, отложила спицы.

— Раскроют крылья, вытянутся вдоль поверхности воды и вытворяют такое!.. — Глаза у бабушки засветились, словно она вновь смотрела на этот удивительный птичий танец. — Прилетают они парами и остаются верными друг другу. — При этих словах бабушка почему-то вздохнула. Может быть, ей вспомнился дедушка? Куда он делся — Илоне не говорили. Но раз мама родилась, значит, должен был быть. Про то, что маленьких детей приносят аисты, никто в их старшей группе уже давно не верил. И рассказал всю правду об этом мальчишкам Борька Тарасов. И даже уверял, что видел, как это делается.

Помолчав немного, бабушка с какой-то грустью добавила:

— Трудно им подстроиться под наш бурный век! — И вскинула на Илону смеющийся взгляд: — А почему эти птицы тебя так интересуют?

— Да так! — так же, как бабушка, вздохнула Илона. Рассказывать о прозвище почему-то не хотелось.

А вместо бабушки перед глазами опять лицо женщины-врача, спокойное и внимательное.

— Как вас зовут? — спрашивает Илона.

— Сусанна Арнольдовна, — улыбается врач. — Странное у меня имя, правда?

«И не только имя», — подумала Илона. Но высказать это вслух не решилась. Ещё неправильно поймёт. Не дождавшись от неё ответа, Сусанна Арнольдовна заговорила:

— Знаешь, милая, слушаю тебя и удивляюсь. — При этом она сжала пальцы на руках и покачала головой. — Тебе нужно книги писать. Ты так детально и образно рассказываешь!.. Дневник не пробовала вести?

— Нет, — смутилась Илона и отвела взгляд в сторону.

— А почему?

— Времени нет, — слукавила она. Но потом всё-таки призналась: — А вдруг кто-то прочитает?!

— Ах, вот оно что! Тогда даю тебе задание: написать, что было дальше. Причём от первого лица. И знай, я всё до конца прочту. Посмотрим, выйдет ли из тебя писатель. Чтобы вызвать интерес читателя, профессионал должен «раздеть свою душу догола». Ну а если серьёзно, тебе сейчас это очень поможет. Не зря существует такой термин — «арт-терапия», то есть «лечение искусством». Думаю, это лекарство сейчас как раз для тебя.

Самым трудным было начать первую фразу. Так трудно, как прыгать вверх по ступенькам школьной лестницы, двумя ногами, не держась за перила. Сто раз перечёркивала самый первый абзац. Наконец ручка забегала по бумаге.

«... А потом появился Владик. И я забыла про камень. Мы дружили четыре года. Ловили рыбу, катались на лыжах, делали гербарии и даже сочиняли песни. Владик ходил в музыкальную школу и учился играть на гитаре. Познакомились в школе. Я тогда была ещё первоклашкой. И Борька Тарасов чинил мне всякие пакости — то ранец в сугроб закинет, то кнопки на стул подложит остриём вверх, то сажай лицо вымажет. Случалось, пуговицы у пальто обрывал. Или, хуже того, — прямо в лицо лягушку кинет. Словом, с детства на всякие проказы мастак был! Видно, всё помнил про моё предательство. А вот Владик... Мы познакомились очень странно.

Как-то во дворе после уроков Тарасов, пробегая мимо, толкнул меня в лужу, грязную, с мазутными разводами! Не случайно, нарочно! И белые колготки, и белая куртка сразу превратились... сами знаете во что! Но я не плакала. Стояла в луже и смотрела ему вслед. Нельзя привыкать к плохому, но иногда такое происходит. И вдруг глазам предстала странная картина: парень из четвёртого класса догоняет Борьку и оп-

рокидывает в лужу. И тоже не случайно! А потом подходит ко мне и протягивает руку:

— Давай выходи из воды! Тебя как зовут?

— Гагара, — говорю.

— Разве такое имя бывает? — недоверчиво улыбнулся он.

— Это не имя, прозвище. Я — Гагаринова. А зовут Илоной.

— У тебя предки не из Прибалтики были?

Я только плечами пожала. Кто такие «предки»? И где эта Прибалтика?

— А чего ты этому обормоту сдачи не дала?

Мне оставалось только вздохнуть. Дашь Борьке сдачи, как же! Не только в лужу — в унитаз головой окупёт! Но жаловаться почему-то не хотелось.

— А ты в другой раз учительнице скажи. Пусть его накажут.

Я покачала головой.

— Не накажут. У него папа в полиции работает. Важный такой!..

— Ну и что! — настаивал Владик. — При чём здесь его папа? Слабак этот пацан, раз девчонки обижают. Ты его проделки не терпи, мне скажи. Так и заяви: «Владьке из четвёртого «Б» скажу! Он с тобой разберётся!» Усекла?

— Сама разберусь, — пробурчала я. — Вот возьму в руки камень!..

— Так нельзя! Камнем можно насмерть убить! — Прозвучало это резонно. — Его просто потрясти как следует нужно, чтобы на месте от страха описался. И это я сделаю, если увижу, что он тебя ещё хоть раз пальцем тронет!

Я кивнула, но не очень уверенно. Когда ещё он увидит? Ведь в разных классах учились.

Однако Тарасов с тех пор мучить меня перестал. И целых четыре года мне жилось относительно спокойно. Привычкам своим Борька, конечно, не изменил и гадкими словами пытался зацепить, но трогать — не трогал.

А Владька — он таким добрым был! У него всегда глаза улыбались. До сих пор мне в человеке нравятся только глаза! Всё остальное не так важно, а вот глаза!.. Никогда меня Гагарой не называл. Ему моё имя очень нравилось. Каждый день меня после уроков ждал, чтобы домой проводить. Он жил в пятиэтажке, что перед самыми черёмуховыми кустами. Идя по

этой пустынной части дороги, мы всегда держались за руки. «Ты одна здесь не ходи, — как-то сказал мне Владька. — Плохое это место». Словно обладал даром предвидения. И даже когда перешёл в пятый класс, в начальную школу к нам всё время приходил. Ни к кому-нибудь из мальчишек, а ко мне!.. Ребята, конечно, дразнили. А Владик говорил: «Ты на них внимания не обращай. Погавкают, погавкают и отстанут. Лично мне их мнение — тьфу! Что мыльные пузыри. Пусть себе летают. Каждый человек сам знает, что ему нужно. Тебе ведь хочется со мной дружить?»

Ещё бы!

Я только смущённо улыбнулась.

— Ну вот. А дразнят они от зависти. Им тоже хочется вот так с кем-нибудь за руку ходить. Правда?

Я соглашалась. Да и как тут было не согласиться? Он вслух произносил то, о чём думала я. Только раньше я не понимала, что такое «родственные души».

А потом его не стало. В шестом классе избили ни за что ни про что! Не ребята, взрослые. Его папа в суде работал. Какие-то там разборки. Он рассказывал, что отцу угрожать стали, мол, «сына инвалидом сделаем». Но Владька не верил, что это может произойти. Однако произошло!!!

А через год у него начался цирроз печени. Это я сейчас понимаю про диагноз, а тогда... Просто скучала, пока он в больнице лежал. Помню, ничего не хотелось: ни играть, ни в школу ходить, ни уроки делать. Всё, что требовалось, делала машинально, как робот. Потому что НА-ДО!!! Может быть, кто-то надо мной посмеётся, но всё равно скажу: дети тоже умеют любить! И, может быть, даже сильнее, чем взрослые.

Его лечили не у нас, в Москве. И только потом перевели в районную больницу. Когда мне разрешили его в больнице навестить, я на крыльях туда летела, как настоящая гагара! Вошла в палату и его не узнала. Мы ведь целое лето с ним не виделись. Меня родители на все каникулы к бабушке с дедушкой в деревню отправили. А он за лето таким худеньким стал... И даже ростом ниже. То ли я подросла,

то ли так болезнь человека съедает. Пока в больнице был, мы с ним из тонких трубочек от капельниц всякие украшения плели. Секретничать не будешь — не один он в палате. Больные уши тянут — к нашим разговорам прислушиваются. А вот когда домой выписали, о многом уже поговорить могли. Как сейчас помню его слова: «Никогда никого и ничего не бойся! Страх уродует не только душу, но и тело человека. Знаешь, какие у страха жалкие глаза! А если у тебя внутри есть уверенность и сила, это сразу во взгляде отражается».

Приду, бывало, от него домой и долго свои глаза в зеркале разглядываю. Есть ли в них сила?! А он каждый день таял, как снег весной. И, что удивительно, на боли никогда не жаловался. И только глаза такими большими становились, как у стрекозы. Так и хотелось в них смотреть, смотреть, смотреть!..

А за пять дней до смерти его мама к нам пришла. Говорит мне: «Зайди к Владьку сегодня, пожалуйста. Зовёт он тебя, сказать что-то важное хочет».

С постели он уже не вставал. И даже от подушки не отрывался. Но, увидев меня, заулыбался, поманил рукой и прошептал: «Проходи. Я знал, что ты придёшь. Очень хотел тебя увидеть. Никого больше, только тебя! Ты самая лучшая девчонка на свете! — И стал гладить мою руку. А рука такая — как сухая бамбуковая палочка. — Ты настоящая принцесса!» — При этих словах у меня из глаз брызнули слёзы. Меня никто ещё никогда принцессой не называл! Чтобы справиться со слезами, закрутила головой. И увидела на стуле рядом с кроватью новый ранец, а на плечиках — новую школьную форму. Ведь приближалось первое сентября. Родители хотели вселить в него надежду, что всё будет хорошо и он поправится. Но Владик этому уже не верил. Кивнув на обновки, грустно улыбнулся: «Это родители всё себя тешат. Ну да ладно, Ванька сносит!» Ваней звали его младшего брата. И снова стал поглаживать мои пальцы. «Ты, Илонка, не переживай, когда меня не станет. На небо чаще смотри. Там будет моя звезда. И оттуда тебе помогать буду! Помни: я всегда рядом!» До сих пор не могу понять, как он, восьмиклассник, мог такое говорить?!!

Словно ему не четырнадцать лет, а тысяча! И он знал то, чего не знают другие!

На похоронах я не была. Поднялась высокая температура, даже бредить стала. Перед глазами всё проплывала одна и та же картинка. Проплывала медленно, исчезая за горизонтом и вновь появляясь с какой-то другой стороны. И только голова металась по подушке. Я — верхом на деревянной лошадке-качалке, которую мне, кстати, Владик подарил. Вырос, говорит, я из детского возраста. Ванька — тоже. Пусть тебе послужит. Лошадь — белая с зелёной уздой. Он раскачивает её, потягивая за уздцы, а я скачу! И весь мир несётся куда-то вместе со мной. Кто там гадкий утёнок? Где он? Есть принцесса! Верхом на лихом скакуне. И во лбу звезда горит. А за спиной — длинный шлейф тумана!»

Врач отложила написанные странички в сторону и долго молчала. Умение Сусанны Арнольдовны так долго молчать всегда поражало Илону. Будто никуда не торопится. Другие врачи всё делают на бегу, а тут...

И тогда первой нарушила паузу сама:

— Скажите, почему я становлюсь причиной несчастий других людей?! Я ведь не хочу никому делать ничего плохого! Просто защищаюсь! Или хочу защитить других! Ведь имею на это право? Скажите, ведь имею!?

Но ответа не последовало. Перед глазами снова демонстрировали фильм. Новая ступенька... Девятый класс...

Звонок на урок прозвенел давно, но шагов Аллы Ивановны в коридоре слышно не было. Обычно железные набойки её каблучков цокали по старому сухому паркету как лошадиные подковы по каменной мостовой.

— Хоть бы заболела она, что ли! — раздался с последней парты унылый голос Витьки Чижикова. — А то вбегит сейчас и с ходу начнёт всем мозги вправлять: «Почему учебники не открыты?! Что на партах развалились?! Не класс, а сборище идиотов! Недоумки! Разгильдяи! Тупицы!»

Витька интонацией передразнил Аллушку,

как они между собой звали классную. Передразнил так точно, что все парни разом заржали. Девчонки лишь усмехнулись. Витька вошёл в раж, и даже его голова с ёршиком коротко остриженных волос вспотела: «Что ржёте как лошади?! Правда глаза колет?! Бестолочи безмозглые!» — продолжал прикалываться он, копируя учительницу.

В чём-то Витька, конечно, был прав. На обзывки и смачные эпитеты Алла Ивановна никогда не скупилась. Они сыпались из её маленького ротика как из рога изобилия, подтверждая прочно вбитую им в головы цитату о «богатстве великого русского языка». Русский язык Алла Ивановна, конечно же, знала превосходно, и он был им интересен, а вот литературные произведения, которыми она всё пыталась их заинтересовать, читать почему-то не очень хотелось. Сюжет вроде бы и любопытный, но едкие замечания классу во время чтения классики, как надоедливая реклама по телевизору, перечёркивали все её благие намерения. Чижиков как-то однажды даже записал часть урока на диктофон. Вот хохма была!

Проходили комедию Фонвизина «Недоросль». Восемнадцатый век. Один язык чего стоит! Каждая фраза звучала так прикольно, что класс прямо-таки давился смехом. А Аллушка ещё по ролям читать заставила. Ролевое чтение всегда доставляло ей великое удовольствие. И стала роли распределять:

— Госпожа Простакова — Гагаринова. Еремеевна — Федотова. Митрофан — Чижиков. Скотинин — Тарасов.

Борька взвыл:

— Да не буду я Скотининым! Назначьте Кравченко! Его давно не вызывали.

— Прекрати, Тарасов! — начала заводиться Алла Ивановна. — Одну фразу ему не прочитать, видите ли!

— Сказал: не буду! И точка!

— Нет, вы только посмотрите на него! Это же классика! Комедия!

— Вот пусть Кравченко и комедианит! — упёрся Борька.

Аллушка с досадой махнула на него рукой. И скомандовала, по привычке не глядя ткнув пальцем в какую-то фразу.

— Начинай, Илона!

— «Выйди вон, скот!» — стала читать Илона роль госпожи Простаковой и зачем-то при этом обернулась на Борьку. Видит бог, не хотела смотреть на него, да как-то машинально получилось.

— И ты туда же! Ну, Гагара! — неожиданно для всех завопил Борька. — Сказал: не буду Скотининым! А выйти — выйду! Причём с превеликим удовольствием. — Текста у Борьки не было. Он принял слова матери Митрофанушки за едкую реплику Илоны в свой адрес. Что тут началось! Рёв поднялся такой, что Аллушкины ярлычки типа «неучи!», «идиоты!» захлебнулись во всеобщем гоготе. Борька, ничего не понимая, психанул ещё больше и выбежал в коридор, хлопнув дверью так сильно, что штукатурка посыпалась из-за косяка.

Наконец класс кое-как угомонился. Но это затишье было сродни тому, что является предвестником дикого шторма.

— Госпожа Простакова! Что спишь?! Продолжай читать! — сварливо накинулась на Илону учительница. Илона с перепугу пропустила часть текста и истошно запричитала, входя в роль матери «недоросля»:

— «Ах, мати божия! Что с тобой сделалось...»

— И только хотела добавить: «...Митрофанушка?», но не успела. Стёкла классной комнаты испуганно зазвенели от нового взрыва истошного хохота.

— Следующий! — старалась перекричать всех Аллушка. — Митрофанушка! Что молчишь, ворон ловишь?!

— «Так, матушка, вчера после ужина схватил!» — рьяно вошёл в роль Витька, уже нарочно вырывая из контекста наиболее удачно подходившую к этой хохме реплику из знаменитой классики.

Тут уж, наверное, впервые за всю свою педагогическую практику захохотала и сама Алла Ивановна. Хохотала до слёз, уткнувшись головой в учительский стол. Потому что такого и нарочно не придумаешь.

Ещё целую неделю на переменах то тут, то там летали расхожие фразы из знаменитой комедии:

«Помнится, друг мой, что ты что-то кушать изволил»,

«Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь батюшку бить!»,

«Ну! Беда моя! Сон в руку!»,

«Обойми меня, друг сердечный. Ты одно моё утешение»,

«Поди порезвись, Митрофанушка».

Роловое чтение привело к курьёзу и при изучении «Бедной Лизы» Карамзина.

Сначала текст читала Аллушка сама. Читала с выражением, голосом нежным, кротким, который никак не вязался с её замечаниями, а уж тем более с грубыми оскорблениями в чей-нибудь адрес.

— «Вдруг Лиза услышала шум вёсел — взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке Эраста. Все жилки в ней забились и, конечно, не от страха...»

— А от чего? — прилетел откуда-то с галёрки ехидный шепоток.

— Заткнись, Чижиков! — тут же среагировала Аллушка. — Думаешь, не узнаю твой голос?!

— Это не я! — возмутился Витька. — Как что — сразу Чижиков!

Аллушка снова уткнулась в текст.

— «Они сидели на траве и так, что между ними оставалось не много места, — смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!»...»

И не успела она прочесть фразу до конца, как кто-то поспешно добавил: «Гагара!» По классу забегал пошлый смешок. Аллушка прервала чтение и долго молчала, скользя по классу презренным взглядом.

— Пошляки! Автор описывает трогательную любовь юной и очень чистой душой девушки. Но вам не дано этого понять! Вы развращённые и жестокие, как этот Эраст, которому она так доверилась по святой наивности своей!

Учительница тяжело вздохнула и снова стала читать:

«... и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать её может об ней беспокоиться. Надлежало расставаться. «Ах, Эраст! — сказала она. — Всегда ли ты будешь любить меня?» — «Всегда, милая Лиза, всегда!» — отвечал он. — «И ты можешь дать в этом клятву?» — «Могу, любезная Лиза, могу!» — «Нет! Мне не надобна клятва. Я верю тебе,

Эраст, верю. Ужели ты можешь обмануть бедную Лизу?»

— Запросот! — снова раздался чей-то циничный комментарий. И Аллушка хлопнула учебником об стол.

— Бездушные твари! Вы топчете всё самое святое! Заплёвываете всё самое светлое!

От негодования у неё нервно задргались мышца под левым глазом. Какое-то время она возбуждённо ходила возле учительского стола. Потом схватила учебник и стала искать глазами текст. Но сама читать не стала, вызвала к доске Катю Фадотову. Та закатила глаза под самый лоб, но к доске вышла.

— Вот отсюда начинай! — сердито ткнула Аллушка в текст пальцем и отошла к окну.

«... Мрак вечера питал желания — ни одной звёздочки не сияло на небе — никакой луч не мог осветить заблуждения. — Эраст чувствовал в себе трепет. — Лиза так же, не зная отчего — не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где твоя невинность?» — выводил Каткин блеющий голосок. Она со всем усердием старалась подражать Алле Ивановне.

— Словесная порнуха! — шёпотом выдал Лёня Туз.

— Кто это сказал?! Встаньте! — велела Аллушка. — И снова её негодующий взгляд забе-

гал по их лицам. Но разве возможно найти иголку в стогу сена?!

— Тарасов! Ты?! — быстро устремилась учительница к Борькиной парте.

— Почему вы так решили? Потому что все в пол смотрят, а я на вас?

— Не дерзи! Ты не забыл, с кем разговариваешь?!

— С вами! Вы спросили — я ответил! Что из того?

— Наглец! Ты дома так отцу своему отвечай!

— А вы мне отца не тычьте! Дети за родителей не в ответе!

И неизвестно, чем бы закончилась эта перепалка, но тут раздался спасительный звонок с урока. Аллушка с явным облегчением стала быстро записывать на доске домашнее задание. Потом, развернувшись к классу, мрачно изрекла:

— Прочтёте и узнаете, чем всё это... обычно заканчивается.

(Окончание в следующем номере)

Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА —

автор двенадцати книг: «Живой души потемки» (1992 г.), «Судите сами» (1998 г.), «Под созвездием Кассиопея» (2004 г.), «Етишкина жизнь!..» (2006 г.), «По прозвищу Гуманоид...» (2007 г.), «Про Стасика, Дашу и бабушку Машу» (2007 г.), «Ральф в гостях у Кристи» (2008 г.), «Сказ об эльфийской принцессе» (2010 г.), «Жили-были...» (2011 г.), «Когда ангелы поют» (2012 г.), «Жу-Зи» (2012 г.), «Боба Теремков» (2013 г.).

Произведения писательницы печатались в журналах и сборниках Германии, Норвегии, Финляндии, Швеции.

Автор является лауреатом республиканских, всероссийских и международных литературных премий («Сампо», «Добрая лира», «Русский стиль», «Славянские традиции», премии журнала «Север»).

Сборник повестей для взрослых читателей «Когда ангелы поют» вошёл в финал Бунинской премии 2013 г.

